

Протоиерей Анатолий Сергеевич Правдолюбов родился 19 мая/1 июня 1914 года в Киеве, в семье студента Киевской Духовной Академии Сергия Анатольевича Правдолюбова, будущего протоиерея, выдающегося проповедника, священноисповедника, и Лидии Дмитриевны Правдолюбовой, урожденной Федотьевой, его верной спутницы жизни, незаурядной музыкантши и тонкого знатока русской словесности.

Род Правдолюбовых - старинный священнический род Рязанской земли. В течение нескольких веков (по некоторым сохранившимся документам и преданиям этот род известен с середины XVIII века) трудились здесь священнослужители Правдолюбовы на ниве Божией, собирая и тщательно храня великое духовное сокровище православного богослужения, духовничества, проповедничества, церковного пения. Свою неразрывную связь с Рязанской землей, с родным Касимовым протоиерей Анатолий ощущал с отроческих лет и переживал ее остро и высоко. Уже в конце жизни он запишет в своих воспоминаниях о возвращении в 1923 году в родной город из Вятки, где в течение нескольких лет пришлось служить его отцу: *«Когда весь этот неимоверной трудности путь остался позади и ранним туманным утром пред нами предстал весьма красивый в те*

времена силуэт родного Касимова, как было отрадно ощущать, что вернулись мы к своим, в свои родные места. Киев, при всем его священном содержании, при всей его духовной близости каждому русскому сердцу, был все-таки родиной моей не вполне. Я, конечно, очень рад, что родился в святом древнем городе. И даже в метрике у меня написано: Батько, Маты, Йимя, Призвище. Но корни наши все тут - в Касимове, около Касимова, где мы сейчас обретаемся. Тут кости наших предков, тут памятные места их жизни и служения, тут наши местные многие святыни, тут самый воздух, самые деревья, луга и пашни - родные искони. Правда, много, много слез пролито именно здесь, на Касимовской земле, много тяжких воспоминаний, но и отрадного немало - оно перебарывает воспоминания скорбные, и радуется какой-то непрестанной, нетленной радостью наши сердца».

В Касимове для девятилетнего отрока Анатолия наступила сладкая пора ученичества - ученичества не столько школьного (оно шло своим чередом и в 1929 году закончилось получением аттестата о среднем образовании), но в первую очередь духовного. Духовных учебных заведений в то время не было, и систематического духовного образования Анатолию получить не пришлось, но свои «духовные университеты» он заканчивал под руководством строгих и хорошо знавших свое дело наставников - своего отца, к тому времени митрофорного протоиерея, своих дедов-священников, тоже митрофорных, по отцовской и материнской линии и многочисленных родственников в священном сане. Из воспоминаний протоиерея Анатолия: «Моим наставником был отец, протоиерей Сергей Правдолюбов, кончивший курс обучения в Киевской Духовной Академии в юбилейном (300-летие), 1915 году, со степенью кандидата богословия. Специальностью его была апологетика - защита православно-христианской веры от неверия. На этом поприще отец успешно подвизался много лет. Его знали и по-своему уважали даже его идейные враги, нередко приезжавшие из Москвы и Рязани и устраивавшие с ним публичные диспуты. Впрочем, такие диспуты проводились им и в первые годы его служения в Вятской (Кировской) епархии. Отец отличался большим красноречием, способностью к прекрасным, вдохновенным импровизациям, постоянной проповеднической деятельностью в течение многих лет. На многих диспутах с его участием мне приходилось бывать... Проповеди же его я слушал постоянно с семи до четырнадцати лет включительно. Около пятнадцати лет от роду я поступил псаломщиком к родному дедушке, протоиерею Анатолию Авдиевичу Правдолюбову, тоже проповеднику-импровизатору, и, служа, слушал его проповеди в течение шести с половиною лет.

В те же годы у нас проповедовал мой духовник, протоиерей Михаил Сперанский, который лично для меня имел огромное значение еще и как учитель духовной музыки. А еще, с какого не помню года, к нам перешел соборный причт, и мне приходилось слушать проповеди «соборного протопопы» протоиерея Леонида Сапфинова, кандидата богословия. В школьные годы я летом не раз гащивал в Рязани, у тетки моей, крестной матери, там я слышал прекрасного рязанского проповедника протоиерея Александра Климентовского, а впоследствии - протоиерея Александра Рождествина, а также отца Иоанна Строева - это тоже были проповедники и кандидаты богословия. Особенное же впечатление произвел на меня в Рязани архиепископ Иувеналий (Масловский, + 1937; ныне прославлен в лике священномучеников. - Ред.). Он жил в убогом домике на окраине города весьма просто и иногда принимал меня у себя в садике, даже сажал рядом с собой. Этот величественный архипастырь нами, детьми обоюбого пола, был любим,

я бы сказал, даже чрезмерно. Будучи княжеского происхождения, он сиял и красотой лучших наших древних князей. Это был удивительный знаток Устава, не только нашего, но и многих других, весьма успешный устроитель благолепия богослужебного, окруживший себя ангелоподобными, $\square\square$ молодыми $\square\square$ и $\square\square$ строгими священноиноками, которые обладали прекрасными голосами и дивной способностью к какому-то почти идеальному певческому ансамблю».

Когда начался обновленческий раскол, все пастыри Касимова и прилежащих селений сплотились, чтобы дать отпор наступлению на Церковь. Для Анатолия это была великолепная школа мужества, верности Православию, высокого проповеднического искусства, а главное, теоретического и практического познания канонического устройства Церкви и догматов христианской веры.

Из воспоминаний: «...Все пастыри округа решили противопоставить ему постоянные живые собеседования с народом не столько отрицательного свойства - полемики с раскольниками, сколько положительного изъяснения перед народом основных истин веры. По воскресеньям в главной церкви города собиралось все духовенство городское и сельское и по очереди предлагали народу пространные вероутверждающие беседы. Добавлю, что собирались по воскресным вечерам и служили молебен соборне (тогда это еще не возбранялось).

В Успенской церкви города служил мой дед, протоиерей Анатолий Авдиевич Правдолюбов, в Казанском монастыре - мой дядя, иерей Николай Анатольевич Правдолюбов, в Троицкой церкви - отец, протоиерей Сергей Анатольевич Правдолюбов, на кладбище - другой дед, по матери, - протоиерей Дмитрий Иванович Федотьев, в двух пригородных селах - два родные дяди моего отца: в Селищах - протоиерей Михаил Андреевич Дмитрев, в Самылове - протоиерей Феодор Андреевич Дмитрев. И еще в одном селе, Маккавееве, - мой двоюродный дядя, иерей Александр Феодорович Дмитрев.

По четвергам, в базарный день, все они на целый день собирались к деду (отцу Анатолию Авдиевичу), и разговоры были у нас на разные церковные, канонические и практико-гомилетические темы. Вопреки обычаю многих, дети допускались с раннего возраста все это слушать, и это было невыразимо полезно как для меня, так и для других моих юных родственников. Папа был душой, организатором и водителем этих бесед. Нередко просили все родственные старцы папу просто сымпровизировать тут же проповедь на следующую неделю. Слушали внимательно, иногда вставляли дополнения или поправки, а потом во всех церквах говорили одно и то же, впрочем, конечно, с особенностями личными, отличающими во многом одного проповедника от другого. Причем сказывалась тут и привязанность того или другого к определенным источникам и, так сказать, проповедническим идеалам. У папы на вооружении были больше всего архиепископ Иннокентий Херсонский (Борисов, + 1857; ныне прославлен в лике святых. - Ред.) и великий ученик его - епископ Феофан, Вышенский затворник; у дедушки, отца Анатолия, - святитель Дмитрий Ростовский, у отца матери - главным образом проповедническая хрестоматия протоиерея Григория Дьяченко. У кого-то святитель Тихон Задонский, у кого-то протоиерей Родион Путятин, и так далее.

Все это с ранних пор развивало, давало представление о разности стилей проповеднических, о разнообразии тематики, о многогранности и величии проповеднического дела вообще. Очень трогательно и удивительно было для ребенка слышать, как вопрошают и благоговейно слушают седые старцы своего, тогда еще

молодого, сына, зятя, племянника, как эти маститые священнослужители, сами получившие семинарское образование, - в старину весьма солидное, тем более, что ему предшествовали шесть лет духовного училища, - как они уважали ученость отца, его таланты и его горение пастырское. Только одна бабушка говорила иногда дедушке: «Ну что ты так много слушаешь Сережу, неужели ты сам этого не знаешь?» Но дедушка не убеждался этими бабушкиными словами и продолжал... учиться у Сережи».

На всю жизнь запомнил юноша Анатолий огненные слова своего отца о долге священника проповедовать слово Христово: Помните, как Христос сказал: «*Шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам*»

(Мф. 28, 19, 20). Учить - и первая, и последняя наша обязанность. Проповедь - священнодействие слова - на первом месте, как и апостол Павел говорит:

«Господь послал меня не крестить, а благовествовать»

(1 Кор. 1, 17)!»

Отец учил Анатолия искусству проповеди, бережно доносящей до слушателя евангельское слово, лишенной внешних прикрас, но глубоко проникающей в души паствы: Проповедь есть священнодействие слова. Она «*не в препретельных¹ человеческой мудрости словесех, но в явлении духа и силы*»

(1 Кор. 2, 4). Господь даровал нам способность к изящной речи, но способность эта не должна нами употребляться чрезмерно. Одежда словесная не должна заслонять божественного нутра проповеди, она не должна слепить слушателя собою, отвлекая от главного. Если у проповедника дивный голос, прекрасная дикция, стройная осанка, вдохновенный вид, воодушевляющая всех жестикация, да еще чарующие красоты слога, то он рискует затмить искусством самое главное - учение Христово, для которого искусство речевое должно быть только средством. Вот, говорит, и вообрази: выходит проповедник из храма. Ему говорят: «

Батюшка, какой

Вы

удивительный проповедник, какой у

Вас

дар, как

Вы

красиво говорите

». Это, кто понимает, самый плохой признак. Значит проповедник

заслонил собою Христа

. Истинно же хорошего проповедника почти не заметят

¹ Препретельный (церк.-слав.) - убедительный, увещательный.

слушатели, и никому в голову не придет похвалить его, потому что всех захватила и пленила самая суть его проповеди, на что, собственно, он и послан - пленять словом в послушание Христу слушателей своих. Причем слово - только пособие, а пленяет Сам Христос Своею благодатью, «*явлением духа и силы*»».

У отца и других касимовских батюшек, особенно у своих близких и дальних родственников, отец Анатолий учился искусству церковного чтения, не мешающего молиться, во всей полноте доносящего до слушателя как основной смысл читаемого, так и тончайшие словесные оттенки его.

Из воспоминаний: «Когда мне пришлось быть в Елоховском соборе и слышать Патриарха Сергия (впрочем, долго не получавшего надлежащего наставления), я был поражен, как он, высокоученый муж, неприменный член Синода при нескольких правительствах, служит - ни дать ни взять - как самый простой сельский батюшка. Голос глухой, ровный, не выказывающий совсем никаких эмоций. Как это прекрасно! - не мешать молиться никому, не обращать главное внимание на себя выдающимися из ряда красотами внешней стороны служения»

В те же годы Анатолий постигает искусство церковного пения под руководством известных в то время регентов. «Николая Михайловича Баландина, - пишет он, - я справедливо называю своим учителем не только пения и регентства, но и служения псаломщического и отчасти священнического. Именно он как-то настоятельно внушил мне (как и всему хору старался внушать) великое уважение к богослужебному тексту, необходимость тонкого умения - рельефно его подать верующим, для чего совершенно необходимо чувствовать и понимать весь текст самому, употреблять логические ударения, правильные расчленения фразы, правильное сочленение предложений, выделение главного и затенение второстепенного. Причем бывает, что тонкость, заключающаяся в побочной фразе, от изощренного слушателя не ускользнет, а слушатель более примитивный почерпнет что нужно из фразы главной, а второстепенная фраза, будучи тихой, не заслонит от него главной и не спутает его неискушенный ум.

А другой мой учитель, протоиерей Михаил Сперанский, умилял папу и нас знанием и чутьем того, что больше всего нужно, умилял потому, что батюшки-музыканты нередко переоценивают значение музыки в церкви. Он говорил: «Хорошо все-таки, что в Троице поет квалифицированный хор. И далекий от церкви человек пойдет слушать его, как рыба привлекается приманкой, а некоторые из них, и немалое число, попадутся на удочку проповеди отца Сергия»».

В 1929-1935 годах Анатолий служил штатным псаломщиком в Успенской церкви города Касимова, где настоятелем был его дед, протоиерей Анатолий Авдиевич Правдолюбов, благочинный церковью Касимовского уезда, наблюдатель церковно-приходских школ уезда, - законоучитель духовных училищ. Его авторитет в Касимове был настолько велик и непререкаем, что большевики в 1937 году приговорили его к расстрелу, несмотря на его преклонный возраст - ему было 75 лет. Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви в 2000 году причислил его к лику новомучеников и исповедников Российских.

В 1934 году Анатолий пытался поступить в Музыкальный техникум в Москве, но не был допущен до экзаменов из-за своего происхождения и служения.

В 1935 году в жизни Анатолия наступил крутой перелом. Вместе с отцом, протоиереем Сергием, и дядей, протоиереем Николаем Анатольевичем Правдолюбовым, настоятелем церкви великомученицы Параскевы Пятницы в Касимове (был расстрелян в августе 1941 года; прославлен в Соборе новомучеников и исповедников Российских в 2000 году), он был арестован и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, где находился до 1940 года. Это были уже совсем другие «университеты», экзамен за которые отец Анатолий выдержал с честью. Из этих «университетов» он вынес ту особую, исповедническую благодать, которая впоследствии почилла на его священническом служении и сделала его одним из самых известных и значительных пастырей своего времени.

В 1940 году Анатолий вернулся в Касимов и устроился работать на

утюжно-механический завод. В том же году он женился на Ольге Михайловне Дмитриевой, дочери протоиерея Михаила Дмитриева, служившего в Покровской церкви села Селищи, человека, удивительного по своим дарованиям, в своем служении воплотившего идеал «сельского батюшки» и проповедника-миссионера. Отец Михаил несколько раз подвергался арестам, в 1937 году был расстрелян в Рязани. В 2000 году был причислен к лику новомучеников и исповедников Российских.

Во время Великой Отечественной войны Анатолий Правдолюбов служил в пулеметном полку в пехоте и в 1944 году был тяжело ранен при освобождении Пушкинских мест. Ранение оказалось очень серьезным, оно усугублялось еще и тем, что Анатолий был до крайности истощен. Врачи опасались гангрены. Но милость Божия была с ним. Она проявилась в удивительных по красоте обстоятельствах, которые не всякий писатель мог бы измыслить.

Из воспоминаний отца Анатолия о жизни в Слободе Кукарка (г. Советск) под Вяткой в начале 20-х годов прошлого века: *«Однажды на кладбище я увидел долговязую девочку лет четырнадцати, с которой мы потом очень подружились. Она со мной необыкновенно нянчилась. Я ходил к ним в дом, когда только захочу, она одаривала меня книгами и игрушками. Поскольку мне было лет семь, то она конечно казалась мне взрослой тетей. Она была дочерью кладбищенского священника, отца Дмитрия Осокина, совсем недавно тогда скончавшегося. Она была ученицей моего отца. В тяжком горе сиротства папа так эту девочку хорошо утешал, что она не забыла этого никогда. Если Господь позволит, я когда-нибудь расскажу Вам о ней подробно, а если придется, то и познакомлю Вас с нею, уже седовласой старушкой. Сейчас скажу лишь кратко, что если бы не ее, Елены Дмитриевны, самоотверженная помощь во время войны и моего ранения, то раненную руку мою обязательно ампутировали бы, и я не был бы священником».*

Елена Дмитриевна Ротберт (1908-2001) случайно узнала, что в госпитале под Казанью в тяжелом состоянии находится сын ее учителя, протоиерея Сергия Анатольевича, о котором она до конца жизни сохранила светлые воспоминания. Своим тщательным и самоотверженным уходом, дополнительным питанием и ходатайством перед врачами она не только поставила его на ноги, но и спасла от ампутации руки.

После демобилизации из армии Анатолий Правдолюбов вернулся в Касимов и началась для него новая жизнь, та, к которой он был предназначен от самого рождения, но которую Господь промыслительно отодвинул на ведомые Ему одному и времена и сроки. 21 июля 1947 года Анатолий Правдолюбов был рукоположен в сан диакона Вознесенской церкви города Спасска Рязанского, а 7 декабря того же года - в сан иерея и назначен настоятелем Вознесенской церкви и благочинным Спасского округа. В первые годы священства отца Анатолия несколько раз переводили с одного прихода на другой. Такая политика была тогда у большевиков-богоборцев - не давать священнику покоя, а пастве мешать прилепляться к своему пастырю. Но на каждом новом приходе отец Анатолий начинал с того, что всеми силами старался наладить приходскую жизнь, уставное богослужение, проповедь и церковное пение. В июне 1956 года отец Анатолий был возведен в сан протоиерея, а спустя два года, в июне 1958-го, получил назначение в Покровский храм села Маккавеева (ныне поселок Сынтул) Касимовского района. Здесь он служил до самой своей кончины, которая прихлась на 16 февраля 1981 года.

Все тридцать три года священнического служения отца Анатолия были наполнены

многими скорбями. Ему довелось на себе испытать и тяготы сталинского времени, и хрущевские гонения на Церковь. В 1957-1958 годах отец Анатолий подвергся ожесточенной газетной травле. На него писали доносы с чудовищной клеветой, на него жаловались архиереям, сектанты и раскольники пользовались любым случаем, чтобы посеять смуту среди его прихожан. Но не это было главным в жизни отца Анатолия в эти благословенные годы. Главное было в том, что он служил у престола Божия, и служил так, как научился служить у своего отца, у своих дедов, у славного поколения своих предшественников по священному сану, которые сумели в души своей паствы вложить такой запас веры, любви и верности Христу, что его хватило на восемь десятилетий советской богоборческой власти.

В 1966 году, на праздник Сретения Господня, на служение в Рязанскую епархию прибыл протоиерей Иоанн Крестьянкин, будущий великий старец. Служить ему было назначено настоятелем Никольской церкви города Касимова. В том же году, 10 июля, на память преподобного Сампсона Странноприимца, отец Иоанн принял монашеский постриг от руки глинского старца Серафима (Романцова)². Отец Анатолий с первого дня знакомства с отцом Иоанном признал в нем истинного избранника Божия и смиренно подчинился ему как старцу, хотя по возрасту они были почти одногодки. Это послушание длилось во все оставшиеся годы жизни отца Анатолия и было беспрекословным, безусловным и несомненным. Одно событие, которое произошло уже в самом конце жизни отца Анатолия, показало, что это было послушание даже до смерти (Флп. 2, 8). Как-то в разговоре отец Иоанн сказал отцу Анатолию, что он повенчает всех своих детей. Под самый конец жизни отец Анатолий тяжело болел, особенно сильные страдания при-

² Прославлен в лике преподобных УПЦ в марте 2009 г.

чиняла ему болезнь ног. Близким ясно уже было, что жизнь батюшки клонится к закату, а между тем оставался еще младший сын, которого нужно было повенчать и благословить. Обстоятельства сложились так, что венчать сына по состоянию здоровья и по всем человеческим понятиям отец Анатолий не мог - он просто не мог встать на ноги и дойти до храма. Однако не исполнить слова старца, своего духовника, для отца Анатолия было равнозначно ослушанию Самого Бога. Превозмогая страшную боль, слабость и саму смерть, он пришел в храм и совершил Таинство Брака.

Казалось бы, как просто было послать телеграмму отцу Иоанну с просьбой освободить его от слова, потому что нет никакой человеческой возможности его исполнить, покаяться, попросить молитв и благословения. И никто бы не осудил тяжко болящего батюшку, по-житейски это было бы так понятно и простительно. Отец Анатолий прошел это испытание верхним путем, путем мучеников и исповедников, свидетельствуя правду Божию, волю Божию и силу Божию, являющуюся в немощи.

Это было свидетельство о действительности и действенности старчества в наши дни и завещание детям, которые должны были нести это свидетельство следующим поколениям. Это было свидетельство о том, что и в наш век, далеко отшедший от Бога, Он все же не оставляет нас без водительства и вразумления, и именно Его слово и Его сила действует в старце, а потому слово старца нарушить и не исполнить нельзя, не взяв на себя грех противления Богу.

Эта бесконечная преданность в волю Божию и была основным смыслом, основным содержанием всей жизни отца Анатолия. После его кончины на его письменном столе

нашли запечатанный конверт. В нем было несколько открыток и записка, адресованная супруге - Ольге Михайловне: «Дорогая моя Оля! Если тебе суждено пережить меня - не сдавай позиции главы рода Правдолюбовского, рода отца Сергия Анатольевича Правдолюбова Первого. Заклинаю всех именем Божиим: если не будет особого слова отца И. или того, кому он нас передаст, а бежать будет необходимо, то - в кошелку святыни (и то если время чуть-чуть есть) и по Евангелию - «не берите одежды свои» (ср.: Лк 9, 3), вспомните жену Лотову (см.: Быт., гл. 19). Но Бог даст, по сл. Серафима Гл., (Имеется в виду старец Глинской пустыни схиархимандрит Серафим (Романцов; + 1976) и его предсказание о наступлении новых гонений. - Ред.). Это было завещано детям и внукам, но в такой же мере это относится ко всем читающим эти строки независимо от того, сколько кто уже успел пройти по дороге, ведущей к Богу.

* * *

Наследие отца Анатолия включает в себя несколько томов проповедей, домашние беседы (предпасхальные, пасхальные, беседы, посвященные двенадцатым праздникам, апостолам, девяти чинам ангельским и другие), чтения на Успенских молебнах. Значительную часть этого наследия составляют воспоминания. Чего бы ни касались эти воспоминания - пребывания на Соловках, фронтовой ли страды, священнической ли деятельности, - в них всегда присутствует стремление предостеречь от какой-то ошибки, помочь читающему, в первую очередь, конечно, своим детям, взглянуть на жизнь во всех ее разнообразных и многосложных проявлениях с православной точки зрения. Воспоминания написаны живо и увлекательно, так что, дочитав их до последней страницы, испытываешь глубокое сожаление от того, что они уже никогда не будут продолжены.

Обширно и до сего дня востребовано музыкальное наследие отца Анатолия. В него входят гармонизации обиходных мелодий знаменного, киевского, греческого, болгарского распева, авторские сочинения - песнопения всеобщего бдения, Литургии и встречи архиерея. Особое место в творческом наследии протоиерея Анатолия занимают его работы, посвященные вопросам регентского дела, организации богослужебного чтения и пения. «Жизненные правила для регента-любителя», написанные в 1947 году, не утратили своей актуальности и по сей день. 20 февраля 2006 года в Московской регентско-певческой семинарии состоялись очередные Богоявленские чтения. Они были посвящены 25-й годовщине со дня кончины протоиерея Анатолия Правдолюбова.

Закончить это краткое повествование о жизни православного подвижника нашего времени более всего уместно будет следующим отрывком из его дневника:

Жизнь служителей Божиих, пусть и грешных, у Бога как бы на особом учете: и искушения этим людям особые, и наказания за грехи, которые у них, по их положению, гораздо пред Богом тяжёлы, чем такие же грехи мирянина, и милости удивительные, и вразумления от Бога особые нарочитые, вразумления не только от людей высокопоставленных, блестящих, но и от полных дураков с виду, ведь у Бога, когда нужно, и ослицы пророчествовали (см.: Чис. 22, 21-35), и камни вопияли (см.: Лк. 19, 40)...

И вообще, не могу скрыть от вас великих благодеяний Божиих, сказавшихся в моей жизни, великих чудес, которыми Господь сопровождает жизнь и деятельность служителей и проповедников Своих. Не стану скрывать и многие из своих грешных

слабостей, чтобы вы могли убедиться, как мудро и любвеобильно Господь эти слабости во мне уничтожал, а меня постепенно исправлял. Особенно же назидательна жизнь предков наших, самоотверженных служителей Слова Божия, из коих многие - священномученики.

Слава Богу, который привел меня быть священнослужителем. Слава Богу, не оставляющему всю мою жизнь, несмотря на мои грехи и многочисленные уклонения с прямого, хотя и тернистого Христова пути. Долготерпелив и многомилостив Господь, «не хотяй смерти грешника (Иез. 33, 11)... хочет всякого из нас спасти и в познание истины привести» (ср.: 1 Тим. 2, 4)! И весьма отрадно и назидательно читать и слушать, как это Он делает, как сказывается Его желание всех, кого возможно, спасти в жизнях наших.

Нина Павловна Малахова,
2010 г.